

Ларик, Вилька и Петич

Владимир Сотников

Кто похитил Робинзона?

«ЭКСМО»

2001

Сотников В. М.

Кто похитил Робинзона? / В. М. Сотников — «Эксмо»,
2001 — (Ларик, Вилька и Петич)

Ничего не скажешь, пожить на одном из Мальдивских островов в качестве Робинзона Крузо – это здорово! Именно там предстоит провести каникулы неразлучным друзьям Ларику и Петичу. Но недолго пришлось ребятам радоваться безмятежному отдыху. Загадочные события «нашли» их и здесь! Началось все с самодельного плотика, на котором к их острову приплыл перепуганный «пассажир». Макс бежал от людей, которые его похитили прямо с солнечного острова. Какой выкуп потребуют за его жизнь таинственные злодеи? Кто разработали осуществил эту хитроумную операцию? Ответы на эти и другие вопросы и собираются получить друзья. Но это случится уже в Москве...

Содержание

ЧАСТЬ I	5
Глава I	5
Глава II	12
Глава III	17
Глава IV	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Владимир Сотников

Кто похитил Робинзона?

ЧАСТЬ I

Глава I

СКУЧНО НЕ БУДЕТ!

Ларик с Петичем не отрывались от иллюминатора самолета. Острова в океане выглядели зелеными листьями кувшинок на светло-голубой поверхности воды. Вот яркие пятна закачались – это самолет начал крениться то в одну, то в другую сторону – и стали увеличиваться с каждой минутой.

– Наконец-то! – выдохнул Петич. – Прилетели.

И сразу же захлопнул рот ладонью. Нет, ничему не научили его собственные ошибки! Не прилетели, совсем еще не прилетели они, и нечего зря болтать! Сколько раз вот так Петич опережал события, и события эти, мягко говоря, прекращались. Ехали они, например, с родителями однажды на вокзал – и на полдороги Петич, взглянув на часы, сказал: «Хорошо, не опоздали!» Через минуту их машина стояла в такой пробке, что они не только опоздали на поезд, но и домой с трудом добрались. Но это не самое страшное в жизни. А вот останавливаться в самолете Петичу еще ни разу не приходилось. Наверное, не очень приятное занятие.

Он покосился на Ларика. Но тот даже не заметил всех страхов и переживаний друга – смотрел, не отрываясь, на приближающиеся острова, на которых уже можно было отчетливо различить пальмы с листьями-опахалами.

Но по выступившим у него на носу капелькам пота можно было определить, что волнуется Ларик ничуть не меньше Петича. Еще бы! Под ними самые настоящие Мальдивские острова! Одно название чего стоит. А если подумать о том, что на этих островах им придется провести целых пятнадцать дней, то что можно добавить к этой счастливой мысли? Ничего. Ларик вообще считал, что счастливые люди немножко глупые. Потому что ни о чем, кроме своего счастья, подумать не могут. Вот и он сейчас чувствовал себя глупым и счастливым, что в его понимании было почти одно и то же.

– А куда же мы приземлимся? – шепнул он, указывая глазами на приближающийся островок, весь покрытый зеленью. – Ведь никакого аэродрома...

Петич заерзал на сиденье, насколько позволял ему ремень безопасности.

– Лучше, по-моему, помолчать, чем всякие глупости спрашивать, – пробормотал он. – Что мы, на разведку летим? Открываем новые земли? Значит, впереди где-то остров с аэродромом. И вообще, Ларион, в самолете перед посадкой люди помалкивают.

Действительно, под ними проплыл один зеленый островок, второй, третий – и впереди открылся остров с домами, дорогами. А самое главное, почти на всю длину острова тянулась вдоль океана взлетно-посадочная полоса.

– Ну что, говорил я тебе. – Петич толкнул Ларика, нарушая объявленный им же самим закон молчания. – Волнуешься как ребенок. Вот что значит давно на самолете не летать.

Кто-нибудь другой на месте Ларика обязательно обиделся бы на эти слова. Но ведь это была правда. А на правду Ларик не обижался никогда, даже если очень хотелось. По крайней мере, ему казалось, что у него это получается. Если и мог он на что-то обидеться, то на срав-

нение с ребенком. А вот на самолете он действительно летал давно. Еще в детстве, когда родители возили его в Крым.

Но вот уже самолет понесся на бешеной скорости на уровне пальм, и уже никто из пассажиров, даже если бы захотел, не смог бы произнести ни слова. Потому что от красоты и скорости все просто онемели.

Самолет коснулся колесами земли, вздрогнул и стремительно покатился по посадочной полосе. Пассажиры дружно зааплодировали.

– Зачем это? – удивленно спросил Ларик.

До сих пор он слышал аплодисменты только в папином театре.

– Так положено, – объяснил Петич. – Летчиков благодарят. Ну и радуются, что долетели наконец.

Конечно, Петич лучше Ларика знал все тонкости авиаперелетов. Он-то не раз отдыхал с родителями в Турции и в Италии.

Как только затихли аплодисменты в салоне, Ларик с Петичем почувствовали, что на их плечи легли две могучие руки.

– Договоримся сразу, пацаны, – услышали они над собой спокойный баритон. – Я вас доставать не буду. Отдыхайте. Но мне кое-что о вас рассказали. И поэтому предупреждаю: попытаетесь от меня оторваться – беру в охапку и везу в Москву. Понятно?

– О чем ты говоришь, Ленчик? – притворно изумился Петич. – Мы от тебя ни на шаг! И кушать будем с ложечки, и сказки слушать на ночь! Мы же грудные детки, которых ты вывез в колясочках на прогулку в парк! – Петич обиженно отвернулся к иллюминатору. – Отец сказал, – продолжил он, – нельзя без сопровождающего, вы несовершеннолетние. Говорил, это просто для соблюдения формальностей. Таможня там, граница, фигня всякая. А оказывается, он к нам надзирателя приставил! Спасибо, конечно, и ему, и тебе, Ленчик. Век не забуду твою доброту. По мне, так лучше сейчас оглобли повернуть обратно, чем ходить здесь полмесяца под присмотром.

Петич сопел от злости, как паровоз. Ленчик, видно, растерялся от такой реакции своего подопечного.

– Ладно тебе, Петр, бочки катить, – оправдывался он. – Моей вины здесь нет. Потому и хотел договориться по-хорошему. Чтобы всем было хорошо. Вы гуляете нормально, не ищите себе приключений, а я спокойно отдыхаю. Если честно, давно мечтаю просто так лечь на берегу моря и спать сутками.

– Пока крутым не станешь, – подсказал Петич.

– Чего? – не понял телохранитель.

– В смысле, яйцом. Крутым яйцом. Здесь, знаешь, какое солнце? Если сейчас не сезон муссонов, то вообще купаться можно только утром и вечером. А в остальное время в холодильнике сидеть.

Ленчик хмыкнул:

– Русская баня наоборот. Я люблю напариться и в прорубь броситься. А здесь, видишь, сначала надо в морозилке отсидеться, а потом в море окунуться. Ладно, заболтались. Смотрите, все уже вышли. Пошли, а то увезут нас обратно. А мне неохота.

И он, пропустив ребят впереди себя, неслышно заскользил по проходу. Ларик оглянулся и заметил с восхищением, как плавно и непринужденно двигался Ленчик. Телохранитель совсем незаметным, неуловимым движением увильнул от столкновения с креслом, потом ловко разминулся с одним из пассажиров, словно пропустил его, как призрак, сквозь себя.

«Вот здорово двигается! – подумал Ларик. – Обязательно попрошу дать мне несколько уроков. А то ведь топочу всегда, как слон, хоть и легче Ленчика раза в два».

Их встречали.

– Мила, – представилась девушка, к которой Ларика и Петича подвел Ленчик.

«Милая Мила», – сразу же подумал Ларик.

И удивился тому, что охранник безошибочно выбрал девушку в такой большой толпе. А ведь у нее не было таблички в руках, и с Ленчиком она не виделась раньше – это было очевидно хотя бы потому, что он протянул руку и буркнул: «Леонид». Ларик уже собирался спросить об этом Петича, но то ли от усталости, то ли еще почему-то не стал этого делать. Он подумал о том, что впереди у них много времени, и еще неизвестно, чем будет оно заполнено. Вдруг они будут днями изнывать от скуки? Вот тогда и пригодится не только этот вопрос, но и еще какой-нибудь. Например, о том, почему все-таки Петич, имея под самым носом такого телохранителя, не перенял у него какие-нибудь приемы рукопашного боя или то же умение двигаться, как кошка? А ведь Петич не отличался особенной плавностью движений.

Вот и сейчас он налетел на какого-то толстого дяденьку, который выглядел весьма стильно. Совсем как работорговец в каком-нибудь старинном фильме: рубашка с короткими рукавами и шорты цвета хаки, все это в каких-то дурацких ремешках, отдаленно напоминающих военную португезу, в придачу высокие носки и сандалии. А на голове – пробковый шлем. В дополнение ко всему «работорговец» старался «пережевать» из одного угла рта в другой толстую сигару. Наверное, он начал разучивать это упражнение не так давно, потому что морщился, как будто терпел боль, и смотрел двумя глазами на кончик сигары. Лучше бы смотрел одним! Если даже самый умный человек попытается посмотреть двумя глазами на кончик носа, то будет выглядеть полным идиотом. Наверное, дяденька не знал этого простого правила. И выглядел, как положено в таких случаях.

Это все Ларик успел заметить до того, как к «работорговцу» приблизился Петич, который смотрел в другую сторону. И, конечно же, произошло столкновение, от которого пробковый шлем чудом удержался на голове «работорговца». А сигара, находящаяся как раз на середине пути справа налево, вылетела изо рта.

Выпучив глаза, толстяк заплясал на месте, хлопая себя по животу руками: ведь горящая сигара упала ему прямехонько под рубашку. Возглас, который он издал при этом, заставил окружающих шарахнуться в разные стороны.

Петич присел от неожиданности. Ларик подбежал к другу, испугавшись, что толстяк сейчас набросится на него с кулаками. Но тот продолжал кружиться на месте, словно в танце: видно, сигара никак не гасла. Ларику даже показалось, что он видит дымок, вылетающий между пуговицами рубашки при каждом хлопке.

А вот Ленчик не растерялся. Мгновенно поняв, что произошло, и даже успев кивнуть Миле, будто извиняясь, он в один прыжок оказался рядом с толстяком. И быстрым рывком выдернул его рубашку из-под ремня. Сигара сразу же упала на пол.

Толстяк оттопырил рубашку, переводя дыхание. Он быстро пришел в себя и уже совсем не выглядел таким смешным. Внимательно взглядевшись в Ленчика, он пожал ему руку и сказал:

– Спасибо. Поразительная реакция.

Ленчик слегка улыбнулся:

– Ну что вы. Не стоит благодарности. Наоборот, я должен извиниться, что так набросился на вас.

Толстяк еще более пристально посмотрел на своего спасителя.

– Позвоните мне, – сказал он. – Буду рад встретиться. У меня есть хорошее предложение.

Быстро и незаметно для окружающих чиркнув что-то на визитке, он протянул ее Ленчику. А потом заправил рубашку в шорты, взял чемодан и двинулся сквозь толпу. Окружающие смотрели на него, улыбаясь.

– Подождите! – вскричал Петич. – Я-то точно должен извиниться! Ведь это я толкнул вас.

– Ничего, мальчик. Ничего, – обернувшись, кивнул толстяк. – Но надо учиться в самых разных ситуациях принимать мгновенные решения. Хороший урок преподавал нам молодой человек.

И он скрылся в толпе.

Ларик с Петичем переглянулись. Что и говорить, они были поражены происшедшим. Петич не удержался и шепнул Ларику на ухо:

– Ну что я говорил! Ленчик – класс!

Ларик был с ним полностью согласен. Он даже не стал напоминать другу, как тот всего пять минут назад был недоволен присмотром за собой. Какой там присмотр! Пожить рядом с таким человеком, как Ленчик, – одно удовольствие! Прав толстяк: надо учиться принимать быстрые решения.

– Катер ждет, – напомнила о своем существовании Мила.

Катер! Значит, они сразу же поплывут к другому острову? Даже Петич растерялся от радости. Конечно, он знал, что их здесь ждет, но только в общих чертах.

– Прямо к нашей хижине? – спросил он.

– Прямо к хижине, – улыбнулась Мила. – Жилище Робинзона ждет вас. Считайте, что вы потерпели кораблекрушение.

Ларик слегка поморщился. Еще в Москве, читая проспект туристической фирмы, которая организовывала отдых на Мальдивах, Ларик удивился глупым рекламным фразочкам. Конечно, насчет Робинзона Крузо ничего не скажешь – завлекательно. И насчет его хижины, в которой придется жить туристам. Но неужели кто-то может согласиться с дурацкими словами о том, что «все близкие и друзья, плившие с вами на корабле, погибли, но это лишь обостряет ваше чувство жизни – особенно в условиях дикой природы»?

Ларик даже не хотел размышлять о глупости этих слов. Он вспомнил, как в детстве они куда-то шли с папой зимой, а на автобусной остановке стояли люди. И вдруг крайняя женщина поскользнулась, толкнув при этом соседку. Та упала. И за ней стали падать чуть ли не все стоявшие на остановке. Правда, ничего опасного в таком падении не было – наоборот, раздался такой дружный общий хохот, что могло показаться, будто это дети барахтаются на ледянке. Конечно же, и Ларик засмеялся.

– Нельзя радоваться, когда кому-то плохо, – сказал папа.

– Но они же сами смеются!

– Им можно, – тоже улыбнулся, не удержавшись, папа. – Над собой даже полезно иногда смеяться. Но вот если чужое горе вызывает радость – это атавизм.

– Сейчас мама сказала бы, что ты говоришь со мной непонятным языком, – подсказал Ларик.

– Ах, да! – спохватился папа. – Атавизм – это те качества, которые у нас остались от животных.

Ларик понял, конечно. Не так все это сложно. Например, атавизм – зевнуть с громким звуком «а-о-у!», как это делает его пес Остап, или почесать ногой за ухом.

И вот эти фразы в рекламном буклете Ларик считал атавизмом. Наверное, только какая-нибудь человекоподобная обезьяна в каменном веке могла радоваться, если после кораблекрушения оставалась в живых одна.

Но, конечно же, Ларик никаких замечаний по поводу рекламного буклета Миле не высказал. Во-первых, это было неприлично. Во-вторых, Мила была такой милой, что никакой в мире язык не повернулся бы сказать ей что-нибудь неприятное.

Вода у берега была мелкой. В океан уходили легкие дощатые причалы, возле которых вразной покатывались на тихих волнах лодки и катеры. Мила показала рукой на самый край причала:

– «Эспаньола» ждет вас, господа!

«Все-таки много глупостей заготовлено для туристов в этой фирме», – подумал Ларик. Он был уверен, что и эту фразу Миле надо было сказать по условиям своей работы. Хорошо, хоть додумались в фирме говорить про «Эспаньолу», а не про «Титаник»!

Широкий катерок покачивался у причала. За штурвалом сидел белоzubый мальдивец, до того смуглый, что вполне мог сойти за негра. Как только пассажиры уселись на узкие скамеечки, мальдивец ослепительно улыбнулся, и, словно от его улыбки, сразу же тихонько заурчал мотор.

Только Ларик и мальдивец были без солнцезащитных очков. Мальдивец-то ладно – привык. А Ларик специально не надел их. Он не мог себе представить, что на все это богатство красок – пусть даже слишком ярких, до слез в глазах – можно смотреть через темные стекла. Синее небо, бирюзовое море и зеленая вода у самого борта катера – достаточно было окинуть все это быстрым взглядом, чтобы закружилась голова.

Ленчик бросил поверх очков несколько обеспокоенных взглядов. И Ларик сразу все понял. Ленчик хотел сделать замечание – надень, мол, очки, без привычки будут болеть глаза. Но он не хотел, чтобы Ларик расценил его слова как излишнюю назойливость.

Зато Петич не был таким тактичным. Он порылся у себя в кармане и сказал:

– Уши у тебя удобные, Ларион. Можно хоть локаторы навесить. Но носить мы будем вот такие, бандитские.

С этими словами он обхватил Лариковы виски пластмассовыми пружинистыми дужками.

– Не слетят, даже если придется на кенгуру скакать, – с удовольствием констатировал Петич.

– Кенгуру в Австралии, – поправил друга Ларик.

– Это я так, образно говорю, – отмахнулся Петич. – Если честно, мне по фигу, кто на нашем острове водится. Приедем, разберемся.

Вот они и едут, думает Ларик. Точнее, плывут. А еще он думает о том, что никогда в жизни нельзя предугадать будущее. Даже самое ближайшее. Если бы неделю назад кто-нибудь сказал Ларику, что скоро он будет плыть по Индийскому океану к острову, на котором предстоит прожить полмесяца, – он бы улыбнулся и не обратил на эти слова никакого внимания. Но вот жизнь доказывает, что она непредсказуема и интересна в своих неожиданных поворотах.

Ларик размышлял, поглядывая по сторонам. Можно даже сказать, по сторонам света. Потому что вокруг был океан, и только вдалеке еле заметно намечали горизонт отдельные острова.

Ларик находился позади мальдивца, который сидел за штурвалом не шевелясь, глядя только перед собой. Казалось, за штурвалом сидит манекен. И вдруг Ларик с ужасом увидел, как по спине этого манекена ползет какое-то насекомое! Может быть, это был не скорпион и не тарантул, но размеры чудовища впечатляли: сантиметров пять длиной была одна его спинка. А голова с лапками? Бр-р! Ларика даже подташнивать стало от вида омерзительных мохнатых лапок! На спине паука словно угадывалась надпись. Будто кто-то старательно вычертил тонкий иероглиф желтым цветом на черном фоне.

Ларик оглянулся на Петича и тихонечко поцыкал языком: «Ц. Ц-ц». Они совсем недавно придумали этот позывной. Сидит, например, компания, в которой находятся Петич и Ларик. Как привлечь внимание друг друга? Обращаться по имени? Наступать на ногу? А если надо незаметно подмигнуть, указать на что-то взглядом? Вот они и договорились издавать в таких случаях такое цыканье, которое не привлечет ничего внимания. Мало ли кто имеет такую привычку! А вот Ларик и Петич сразу поймут, что надо посмотреть друг на друга. Одно цыканье, потом быстренько еще два: «Ц. Ц-ц».

Ларик оглянулся и тихонько цыкнул. Петич посмотрел, куда он указывает глазами и... В одно мгновение он выхватил из-под сиденья что-то наподобие ковшика и ловким стремительным движением скovyрнул мерзкое насекомое! Просто потянулся через Ларика, которому

пришлось пригнуться, и так сильно скользнул ковшиком по спине несчастного туземца, что паук получил огромную начальную скорость. Просто космическую!

То, что произошло дальше, Ларик впоследствии будет вспоминать как сон, в котором почему-то недостает самых мелких подробностей. А без них любой сон похож на замедленные съемки. Секунда действия растягивается в минуты... А может, их и не было, мелких подробностей? Может быть, будет впоследствии думать Ларик, в катере тогда все и происходило медленно?

Паук летел по большой дуге. Его растопыренные мохнатые лапки медленно кружились, как руки-ноги парашютиста в свободном падении. Все, кто сидели в катере, следили за этим полетом. Пять пар глаз наблюдали это потрясающее зрелище. Но только одна пара была такой испуганной, будто вдруг увидела свою смерть. Это были глаза мальдивца.

Издав пронзительный отчаянный вопль, он взлетел над катером вслед за пауком. Он хотел поймать насекомое в воздухе, но это ему не удалось. И паук, и мальдивец шлепнулись друг за другом в воду и скрылись в брызгах.

Вся четверка путешественников неосмотрительно бросилась к бортику, качнув катер так, что он зачерпнул воды.

– Ой! – первой крикнула Мила и, не удержавшись за борт катера, солдатиком прыгнула в воду.

Ее примеру последовал Ленчик. Но, наверное, не оттого, что не удержался, а оттого, что ринулся ее спасать. Ну, а Петич с Лариком взмахнули руками один раз, второй – и почти одновременно очутились в воде. Даже стукнулись под водой лбами.

– Я умею плавать! – было первое, что услышали ребята, когда вынырнули.

Это Мила отказывалась от помощи Ленчика. Поняв, что девушка и без его помощи держится на воде, он ринулся к катеру. И через минуту помогал залезать в него всем по очереди. У ребят и у Ленчика был такой вид, что Мила не удержалась и прыгнула.

Мальдивец быстренько устроился на своем месте за штурвалом. Спасенного паука он бережно держал перед собой на ладонях и дул на него, обсушивая.

– Хороший прием оказывает ваша фирма, – буркнул Ленчик. – Это купание входит в программу встречи?

– Нет, что вы! – уже совсем звонко расхохоталась Мила. – Такое я наблюдаю впервые, хотя работаю здесь уже год. Понимаете, у многих местных есть привычка: носить на себе какое-нибудь прирученное существо. Почему-то больше всего они любят гигантских пауков. Они не ядовитые. Это что-то вроде живых талисманов, охраняющих их от всяких бед. А когда туземцы почувствовали, что это вызывает у туристов интерес, то привычка превратилась в бизнес. Туристы визжат от страха, а наши проводники демонстрируют чудищ – конечно, за деньги. Но вот вы не испугались, – Мила опять хохотнула, – и отреагировали по-своему. Ошибся Раман! Думал, все произойдет как всегда. Он пускает паука ползать по спине, а сам сидит совершенно невозмутимо. Знаете, как это действует на туристов?

– Знаем. Уже знаем. Хорошо, что я его вообще не прихлопнул, – проворчал Петич. – Инстинктивно. А вообще-то я просто принял мгновенное решение, вот и все.

Ленчик усмехнулся:

– Ты забыл одно маленькое уточнение. Одно слово, которое все расставляет по местам. Мгновенное правильное решение. Вот так лучше звучит.

Он вздохнул и огляделся вокруг:

– Мы довольно далеко от берега. А я читал, что здесь водятся акулы. Да?

– Скорее, акулята, – успокоила Мила. – Дело в том, что на мелководье рядом с рифами крупные акулы заплывать не любят. А которые заплывают – мелочь.

Ларик с Петичем переглянулись.

«Ничего себе, – молча сказали они друг другу, – мелочь! Да любая акула, в конце концов, уже не килька! И даже не шука!»

Но лица их сияли от восторга. Прошел только один час, с тех пор как самолет начал приземление, а уже произошло столько интересных событий. Их, конечно, не назовешь настоящими приключениями, но скучать не пришлось. А это уже немало.

Ленчик внимательно посмотрел на ребят.

– Я понял, – тихо сказал он. – Вы попали в свою стихию. Акулы, пауки, хижины Робинзона. Накрылся мой отдых! Пальмовым веночком накрылся. Для полного счастья не хватает, чтобы кого-нибудь из вас съели дикари. Кто вкуснее?

– Подавятся без кетчупа, – буркнул Петич и сразу же начал успокаивать Ленчика: – Да чего ты раньше времени расстраиваешься? Не станем мы тебя грузить! Будет тебе отдых!

– Активный, – подсказал Ларик.

– Вот-вот, – грустно согласился Ленчик.

Мила, выжимая воду из своих длинных волос, подтвердила:

– Скучно не будет!

Глава II ЗАГОВОР РОДИТЕЛЕЙ

Что и говорить, постаралась туристическая фирма! Все выглядело довольно увлекательно. А у Ларика даже мурашки по спине побежали, когда их с Петичем подвезли близко к берегу. Потому что он очень живо представил себе, как обессиленный человек после кораблекрушения выходит из океана на спасительную твердь...

– Прыгайте в воду, хватит кататься, – спокойно сказала Мила. – Неужели непонятно, что вы потерпели кораблекрушение?

Петич расплылся в улыбке и хитро взглянул на Ленчика:

– А ты не с нами?

Ленчик вопросительно посмотрел на Милу.

– Ресепшен, то есть регистратура вот этого разбросанного в океане отеля, – Мила обвела рукой водную гладь с далеко отстоящими друг от друга островами, – на другом острове. Мы с Леонидом сначала отправимся туда. А потом вернемся, посмотрим, как вы здесь устроились.

– Ну-у, – недовольно протянул Петич. – Какое же это кораблекрушение, если вы вернетесь? Вот если бы...

– Тьфу! – дернул друга за рукав Ларик. – Думай, что говоришь!

Но Петич все равно продолжал прикалываться. С обреченным видом он пожал руку Ленчику, поклонился Миле, опасливо покосился на Рамана с пауком и прыгнул в воду. Глубина, однако, была всего лишь по колено. А казалось, что здесь глубже. Просто блестящий песок придавал воде настолько непривычный оттенок, что на глаз глубину было трудно определить. Но слышно было, как катерок касался днищем песка.

Спрыгнул и Ларик, предварительно сняв резиновые тапки. А вот Петич так в кроссовках и ходил по воде вокруг катерка – наверное, для пушного притворства. Как же – кораблекрушение! Не успел разуться.

– Может, вещи сейчас взять? – спросил Ларик, стоя в воде и чувствуя, какая она теплая, чуть ли не горячая на отмели.

– У вас же ничего не осталось, – хихикнула Мила. – Ладно, мы потом привезем ваши сумки. Ищите свою хижину. Островок маленький, так что это нетрудно. Оттолкните-ка нас, пожалуйста, робинзончики, – попросила она.

Петич с удовольствием пнул катер ногой.

– Приплывайте этак лет через десять, – махнул он рукой и зашагал к берегу.

– Двадцать восемь, – поправил его Ларик. – Робинзон Крузо прожил на острове двадцать восемь лет.

Петич от удивления присвистнул, но почему-то повторять эту страшную цифру не стал. Наверное, на всякий случай. Все-таки верил он в приметы. Поверишь тут, когда бредешь по колено в океане к небольшому, почти необитаемому острову! Лучше перестраховаться и промолчать.

Катерок заурчал и стал потихоньку удаляться. Вот в этот момент у Ларика и сжалось сердце. Тяжело быть таким впечатлительным! Он представил себя оставленным на этом острове. Взглянул на высокое небо, на бесконечное пространство океана – и так холодно стало в груди, несмотря на жару... Будто сразу проглотил десяток порций мороженого.

– Не отставай, Пятница! – позвал Петич.

– Вот еще! – возмутился Ларик. – С чего ты взял, что это я Пятница? Нет, будем жребий бросать.

– Ладно, жребий так жребий. – Петич махнул рукой в знак согласия и упал. Сначала в воду, а потом, перебравшись на берег, в песок. – Слышь, Ларион, если честно, я никогда не думал, что бывает такой чистый песок. Как в рекламе, да?

И он блаженно закрыл глаза, прикладываясь к песку сначала одной щекой, а потом другой. Песок, прилипший к его щекам и к коротко стриженным волосам, мгновенно превратил Петича в дикаря.

Ларик не спеша огляделся, стараясь составить хотя бы самый первоначальный план действий.

– Загорать, наверное, пока не стоит, – рассуждал он. – Да и тянет меня почему-то в глубь острова. Конечно, если тебе лень, то можешь валяться и здесь. Только не надо майку снимать. А лучше всего вообще зарыться в песок. Может, там встретишь родственников чуть не утопленного тобой паучка...

Если честно признаться, Ларику не очень-то хотелось одному пробираться в глубь острова. Поэтому он и напомнил Петичу о пауке. Напоминание сработало. Петич подпрыгнул, словно ужаленный каким-нибудь «родственничком»:

– А разве они в песке живут?

– А где же? В воде, как ты видел, ему не очень-то понравилось.

– Ладно, пошли на разведку, – согласился Петич. – Только подожди, смою песок. Скрипит прямо при каждом движении. Будто меня не смазали...

Петич с удовольствием побарахтался на мелководе. Ларик не удержался и последовал его примеру. Вода была, казалось, горячее воздуха. Но все-таки, когда они шли по берегу, мокрая одежда немного освежала.

– Вот так, наверное, и будем охлаждаться, – сказал Петич. – В мокрых майках и шортах. Пока одежда высыхает, попрохладней будет.

– У меня первое предложение! – поднял палец вверх Ларик.

Петич скривился:

– Ну, понеслось. Ларион начал демонстрировать свои знания! Только не начинай сразу с чертежа какого-нибудь дельтаплана с моторчиком, чтобы улететь домой. Мне пока здесь нравится.

– Я не о том. Мне тоже нравится, – отмахнулся Ларик. – Ты бывал раньше хоть когда-нибудь на необитаемом острове? Нет. И я не бывал. А что надо делать в первую очередь, попадая на остров?

– Жрать, – хмыкнул Петич. – Кушать, по-нашему, по-человечески говоря.

– Нет, совсем не жрать и не кушать, – довольно изрек Ларик. – Жрать и животные умеют. А вот что человека отличает от животного?

– Отсутствие хвоста, – отмахнулся Петич.

Не очень он любил, когда Ларик начинал говорить поучительным тоном! Да еще и вопросы наводящие задавать, как самый настоящий экзаменатор.

– Стремление к познанию! – изрек Ларик, состроив при этом такую физиономию, будто в одночасье стал учителем по всем школьным предметам одновременно.

Петич хмыкнул:

– Значит, я животное. Нет у меня этого стремления. Что мне, залаять с горя? Ты, Ларион, всех по себе не равняй. Кстати, не все люди такие уши носят, как у тебя. И ничего – живы. Так что каждому свое.

Ларик мгновенно понял, почему Петич так ершится. И сразу же перешел на нормальный, совсем не поучительный тон:

– Я предлагаю разойтись по берегу в разные стороны. Если встретимся, значит, мы на острове. А ты что думаешь?

– Можно, конечно, и прогуляться. Только зря все это. Одно дело – перед этой девчонкой кривляться, другое – друг перед другом. Мы же знаем, что это остров, что есть там хижина, что все это устроено для развлечения.

– Да что ты предлагаешь? – воскликнул Ларик. – Ты, конечно, можешь обижаться, но ведешь себя как капризный ребенок! Избалованный. Интересно, а что ты хотел здесь такое увидеть? Ну скажи, скажи! Вот видишь – сам не знаешь, чего ты хочешь.

– Ладно, помолчим оба, – проворчал Петич. – Пошли, как ты предлагаешь. Ты в одну сторону, я в другую. Тем более, передохнуть друг от друга надо. Вот так вот и ссорятся люди на необитаемом острове. Пока... не сожрут друг друга.

Ларик долго смотрел вслед Петичу. А тот даже не оглядывался. Специально, что ли, устроил такую демонстрацию плохого настроения? Чтобы сделать обстановочку хоть чуточку серьезней? Наверное, так оно и есть. Ларик уже достаточно хорошо знал своего друга, чтобы почувствовать, когда тот притворяется злым, а когда злится на самом деле. Похоже, сейчас Петич притворялся. Да и с чего, если разобраться, ему было злиться? В лучшей ситуации вряд ли кто вообще оказывался.

И Ларик, улынувшись, зашагал в свою сторону.

Жалко, что нет сейчас фотоаппарата. Не сможет Ларик словами описать все увиденное. Что он расскажет родителям и Вильке, когда приедет? Что было красиво? Очень красиво? Потрясающе? А ничего его слова не передадут. Никакой красоты.

Дураки они, полные кретины, что согласились не брать с собой никаких достижений цивилизации! Ни фотоаппарата, ни видеокамеры, которую Петичу даже пришлось обратно в дом отнести, когда они в аэропорт отъезжали. Алексей Петрович, Петичев отец, сказал:

– Будете отвлекаться съемками от нормальной жизни. Я вам советую: поживите там, как тот самый Робинзон. А Леня вас снимает.

И Петич послушал отца. Отнес домой и свою видеокамеру, и Лариков фотоаппарат.

А больше всего Ларик жалел, что нет с ними Вильки.

Вообще-то эту поездку Петичев отец пообещал устроить еще прошлой осенью. Как только Петич, Ларик и Вилька распутали дело о похищенном метеорите. Художник со смешным именем Ганнибал Абрамович, который с их помощью вернул себе космический камень, просто потерял голову от счастья. От такой большой радости, то есть от глупости, он и стал трезвонить родителям – и Лариковым, и Петичевым, и Вилькиной маме. Благодарил по телефону, расхваливал – мол, каких хороших вы детей вырастили. А того не знал несчастный Ганнибал, что тем самым кличет на головы ребят настоящую беду. Родители, конечно, обрадовались, что у них не дети, а Шерлоки Холмсы, и сразу же сделали выводы. И у Петича, и у Ларика, и у Вильки в тот же вечер состоялся серьезный и продолжительный разговор со своими предками. В результате этих разговоров были подведены итоги розыскной деятельности неразлучной тройки за последнее время. А итоги эти впечатляли и чуть с ума не свели бедных родителей.

Первым значилось дело о бриллиантах, которые мошенники разыскивали в пойме реки Сходни, прикрываясь тем, что якобы ведут работы по благоустройству сквера.

Второе приключение состояло в том, что ребята помогли вернуть Братцевскому музею спрятанные еще с военных времен ценности.

А в третьей истории главную роль играл этот самый злополучный метеорит. Злополучный потому, что с него-то и начали родители знакомство с «послужным списком» Петича, Вильки и Ларика.

Ларикова мама вообще чуть в обморок не свалилась, когда узнала, чем занимался ее сын.

– Так что же это, Лариосик, а? – чуть не всхлипывала она. – А если бы вы нарвались на самых настоящих бандитов? Ты о нас подумал? А друзья твои о своих родителях подумали?

А потом, поздним вечером, когда серьезная часть разговора закончилась и ребята уже были оставлены в покое, – мамы Петича, Ларика и Вильки созвонились. Чаще всего в их беседе звучали слова «ужас», «кошмар» и так далее, и тому подобное... Папы в этих переговорах не участвовали.

А вот назавтра, как раз в воскресенье, отец Петича позвонил сначала Вилькиной маме, потом Лариковым родителям. Собрались предки у Ларика. Об этом Петич потом сдохмил: «Хорошо, что не в песочнице!» Алексей Петрович долго просил понять его правильно, и извинялся, и стеснялся... Лариковой маме даже пришлось помогать ему. Она сказала:

– Алексей Петрович, ведь речь идет о наших детях. Значит, надо говорить просто и прямо.

Петичев отец улыбнулся:

– Знаете, а ведь я всегда только так и говорю – просто и прямо. На работе по-другому и нельзя. А вот здесь почему-то... растерялся. Может быть, потому что занимаюсь не своим делом. Одно дело – собственный сын. Но я же лезу со своими предложениями к посторонним людям...

– Ну какие же мы посторонние? – улыбнулась Вилькина мама. – Наши дети дружат, а мы – посторонние?

Алексей Петрович даже покраснел:

– Видите. Даже слова не те вырываются. В общем, так. Мне показалось, что наши ребята придумывают себе все эти приключения от скуки. От недостатка впечатлений. И мне пришла такая мысль: а что, если почаще отправлять наших детей в путешествия?

Вилькина мама при этих словах тихонько ойкнула и спросила:

– Как это – почаще?

– Ну, для начала отправим их хотя бы в первое совместное путешествие. Я потому и не знал, как приступить ко всему этому объяснению. Потому что вы спросите: а сколько это будет стоить?.. Понимаете, материальная сторона в этом вопросе отсутствует. – И, предупреждая протестующие возгласы Вилькиной мамы, Петичев отец торопливо добавил: – И не потому, что эти путевки буду оплачивать я. Нет. Одна туристическая фирма иногда предоставляет нам такие путевки совершенно бесплатно. Ну, не совсем бесплатно, а в виде процентов по одному кредиту, который... В общем, это довольно скучно объяснять. Я просто прошу поверить мне: все честно, законно и... Пристойно, наконец.

Ларик, конечно, не подслушивал этот разговор. Просто он совершенно случайно оказался в гостиной, откуда до кухни было не так далеко – два поворота коридора. И конечно же, все было слышно. Прислушиваясь к разговору, он машинально стал шарить по столу в поисках телефонной трубки. Пока он объяснил сначала Вильке, а потом Петичу, в чем дело, разговор на кухне уже подходил к концу.

Даже Петич не знал о планах своего отца.

– Ты, Ларион, слушай там внимательно, – прошептал он в трубку. – Если что, вмешайся.

Но вмешиваться в разговор взрослых не пришлось. Все было решено. Каждые каникулы «тройку детективов», как обозвал их Алексей Петрович, будут отправлять куда-нибудь подальше от Москвы. В сопровождении кого-нибудь из родителей – по очереди. Первой, на осенних каникулах, должна была лететь с ребятами Вилькина мама. Зимой – кто-нибудь из Лариковых родителей.

Короче, жизнь должна была превратиться в сказку. Но на то она и жизнь, чтобы вносить в планы не очень приятные коррективы. Осенью поездка не состоялась, потому что Вилькиной маме не удалось взять отпуск. Зимой все сорвалось, потому что у Лариковых родителей в театре была премьера нового спектакля и они приходили домой только ночевать. Весенние каникулы были слишком короткими. А потом наступило лето и, конечно, у всех родителей оказались свои, отдельные, планы...

Ребята уже решили, что их совместное путешествие откладывается не просто надолго, а навсегда. Но, наверное, Петичев отец не привык раздавать пустые обещания. А может быть, сыграло свою роль и то, что летом Петич едва не врезался в дерево, целыми днями гоня от скуки на новеньком мокике... Одним словом, поездка была намечена на осень – и точка.

И вдруг, перед самыми осенними каникулами, Вилька заболела корью. Но как она уговаривала ребят не отказываться из-за нее от поездки!

– Ну мальчики, ну миленькие, – причитала она по телефону. – Вы же мне все расскажете, да? А к вашему возвращению я обязательно выздоровлю!

Вот и полетели на Мальдивы Ларик с Петичем вдвоем. Не считая, конечно, Ленчика. Ему Алексей Петрович в конце концов и доверил беспокойных детективов...

Ларик вздохнул и огляделся. Что-то сильно он задумался. Так можно и не заметить вокруг себя ничего интересного. Тем более что это интересное уже появилось на берегу вдалеке и с каждой секундой увеличивалось в размерах. Человек!

Как только глаза стали различать на человеческой фигуре контуры одежды, у Ларика от волнения пересохло во рту. Если бы ему сейчас пришлось сказать хоть одно слово, скорее всего, раздалось бы шипение.

Навстречу ему двигался Робинзон Крузо – точь-в-точь такой, каким его изображают в книжных иллюстрациях. Его одежда, несмотря на жару, топорщилась меховыми свалывшимися клочьями. Колпак на голове и что-то вроде сапог тоже были из шкур животных. На плече Робинзон нес увесистую дубинку, на конце которой сидел самый настоящий попугай. Попугай иногда вскрикивал что-то на непонятном языке.

Ларик в замешательстве оглянулся. Петича и след простыл. Берег был пуст.

Глава III НЕПРИЦЕЛЬНЫЙ ВЫСТРЕЛ

«Это уже слишком! – подумал Ларик. – Не турфирма, а театр какой-то!»

Подумал он это для того, чтобы хоть как-то прийти в себя. Хотя он и знал, что не может быть на этом острове настоящего Робинзона, что все это – костюмированное представление, почему-то на душе стало неуютно. Ларик подумал о первых ошибках, которые они допустили на острове. Во-первых, им с Петичем не надо было расходиться в разные стороны. Во-вторых, надо было не прогуливаться, и без того зная, что это остров, а разыскивать свою хижину. Наверное, было бы намного проще встретиться с этим Робинзоном там, а не на безлюдном берегу.

Их уже разделяла всего какая-нибудь сотня метров, как вдруг Робинзон повел себя более чем странно. Страхнув попугая с конца дубинки, он зловеще взмахнул ею и ринулся в сторону Ларика. Воинственный клич потряс воздух. У Ларика душа ушла в пятки.

Он прирос к земле, словно окаменел. С трудом, с величайшим трудом он смог найти в себе силы, чтобы повернуться и побежать. Сначала он бежал не очень быстро, но с каждой секундой ноги обретали уверенность и силу. Ларик уже поглядывал на высокие пальмы, надеясь взобраться по стволу повыше. Главное, переждать первое время, пока не выяснится, что это – игра. Или действительно, ненормальный какой-нибудь возомнил себя самым настоящим дикарем? А там, смотришь, и Петич должен показаться... Вдвоем намного легче разобраться в подобных ситуациях.

Наверное, никогда в жизни Ларик не бегал так быстро! Он выбрал ту узкую дорожку у самой воды, где песок, обкатанный волнами, был твердым, – чтобы легче было бежать. Вообще-то, если Ларик успевал еще и соображать, то это значило, что он не так уж сильно испугался.

Страхнув попугая с конца дубинки, он зловеще взмахнул ею и ринулся в сторону Ларика.

Конечно же, он почти полностью был уверен, что это розыгрыш. Но почти – не значит окончательно. Тем более, разве можно устоять на месте, когда на тебя бежит дикарь с дубинкой? Разве хватит у нормального человека выдержки, для того чтобы остановиться и с улыбкой, с протянутой рукой ждать приближения такого гостеприимного аборигена? У Ларика такой выдержки не было, хоть он и тренировал ее с самого раннего детства.

Робинзон был уже совсем близко. И вдруг Ларик различил в его тяжелом дыхании очень уж знакомое посапывание... Не раз и не два ему приходилось слышать это шмыганье носом на полном ходу! Ах, вон оно что! Злости Ларика не было предела.

Он развернулся на всей скорости и остановился как вкопанный.

Робинзон, не ожидавший такой внезапной остановки, налетел на Ларика. Дубинка вывалилась из его рук и упала в воду. И тут же стало ясно, что она даже не деревянная, а пластмассовая, как детская игрушка. Слишком уж легко она покачивалась на волне.

– Развлекаешься?! – Ларик заорал так, что попугай, летевший за ними, с перепугу шараялся в сторону. – Развлекаешься? А я – игрушка?!

Петич – а это был, конечно же, он – не ожидал такой реакции. Он виновато хлопал белесыми ресницами, пытаясь что-то сказать. Но только стянул с головы дурацкий колпак и бросил его на песок.

– Да чего ты? – шмыгнул он носом, тяжело дыша после бега. – Не злись, Ларион. Ну хочешь, тресни меня этой дубиной!

Петич достал дубинку из воды. Ларик машинально взял ее и, поняв, что от этого совсем не будет больно, сильно стукнул ею по голове Петича. Этот громкий звук почему-то показался таким смешным, что ребята чуть не упали от хохота на песок. Тем более что их уже и ноги

не очень-то держали. После такого бега! Ведь они и не заметили, как пробежали по берегу, наверное, пол-острова.

– Значит, ты был в хижине? – отсмеявшись, Ларик кивнул на одежду из шкур, которую успел стащить с себя Петич.

– Ага. Прикольно, кстати, там все. – Петич не скрывал своей радости от того, что Ларик не очень-то на него обиделся за дурацкий розыгрыш. – Знаешь, Ларион, ты тоже не удержался бы... Конечно, у тебя поумнее бы получилось, но у меня не так много времени было соображать! Вижу – одежда валяется. Почему бы не напялить? А дальше все само собой получилось...

– Оде-ежда, – передразнил Ларик. – Ты лучше скажи, где ты птицу взял?

– Там же. Да ты же ее испугал! – воскликнул Петич. – Наверное, от страха попугай все слова забыл. А я когда в хижину вошел, он так смешно что-то кукарекнул по-здешнему, что даже я почти понял. Что-то вроде «здрасьте!».

– Хорошо ты знаешь иностранные языки, – похвалил Ларик. – Наверное, этого попугая специально приучили к хижине. Неудобно – спугнули, и правда, птичку...

– Кеша! – громко позвал Петич. – Цып-цып! Лети сюда, русский язык учить будем!

Ребята рассмеялись. В ответ на их громкие слова и смех в ветвях пальмы раздался шум крыльев.

– Отзывается, – пояснил Петич. – Дает понять, что он здесь. Умная птичка! Во-он, видишь, башка торчит над кокосом.

Попугай, повернув голову в сторону, косил на ребят удивленным глазом. Второй глаз он, наверное, приберег для дальнейших удивительных событий. За свою долгую жизнь Кеша не встречал таких странных робинзонов. Чувствовал он своей птичьей душой, что с этими ребятами предстоит ему хлебнуть если не горя, то приключений!

– А одежда? – спросил Ларик, когда они отошли на порядочное расстояние.

– А, – махнул рукой Петич, – надо привыкать к тому, что мы здесь одни. Там одежда или здесь – какая разница? Некому здесь ругать за беспорядок. Свобода!

И он швырнул в небо дубинку – так высоко, что долго ждал ее возвращения.

– Жалко, – вздохнул Петич. – Дубинка-то удобная, но легкая, как игрушка. Держать приятно, а чувствуешь себя при этом ребенком.

– А ты воды в нее налей, – подсказал Ларик.

– Чтобы брызгаться, что ли? – не понял Петич.

– Зачем брызгаться, – объяснил Ларик. – Сделай дырочку, налей воды, а потом дырочку опять заплыв. Вот и будет у тебя удобная, довольно увесистая дубиночка. Все хищники, увидев ее, лапки кверху поднимут.

– Ты, Ларион, не устаешь удивлять меня своей сообразительностью! – воскликнул Петич. – Быстрее, быстрее пошли к хижине! Ты там столько всего напридумываешь, что никакому Робинзону и в голову не могло прийти!

Ларик отмахнулся от этих слов. Конечно, он хотел побыстрее добраться до хижины. Но только не для того, чтобы придумывать всякие глупости, а чтобы передохнуть. Наверное, там есть и еда, и питье. Не может быть, чтобы их оставили без пропитания с самого начала. Не до такой же степени все правдоподобно!

К хижине вела тропинка. Наверное, туристы здесь – не такая большая редкость, чтобы тропинка успевала зарастать. Конечно, это была не заасфальтированная дорожка, и даже не вытоптанная множеством ног, но среди зарослей она угадывалась безошибочно.

– Найдет ли нас здесь Ленчик? – словно сам с собой разговаривал Петич. – Найдет. Он найдет где хочешь, не то что в этом пластмассовом музее.

– Почему пластмассовом? – смеясь, спросил Ларик.

– Ну, в смысле – ненатуральном. Смотри. – Петич показал на хижину, которая действительно напоминала жилище для каких-нибудь пернатых в зоопарке. – Разве ты построил бы

для себя что-то подобное? Да здесь при первом же дожде промокнешь насквозь! А стены? Их просто нет – какие-то ветки приставлены, будто детишки шалашик сложили!

Ларик засмеялся:

– Во-первых, никакие дожди нам не угрожают. В это время года здесь их просто не бывает. Я читал об этом в энциклопедии.

При этих словах Петич тихонько застонал:

– Кончай, Ларион, вспоминать свою энциклопедию! Говори просто так, что знаешь! А то мне стыдно становится, что я мало читал. Даже «Робинзона Крузо», как ни старался выкроить время, и то не прочел. Не напоминай...

– А во-вторых, – усмехнувшись, продолжил Ларик, – у тебя что-то со зрением.

Он подошел к самой хижине и постучал костяшкой пальца по пальмовой ветке, прислоненной к стене. При этом палец его не ушел вглубь, а наткнулся на что-то твердое.

– Ничего себе! – подскочил поближе Петич. – Они что, каменные, эти стены?

– Наверное, деревянные, – сказал Ларик. – Отлично сделано, да? Не сообразишь сразу, что у этой хижины есть внутренний каркас. Смотришь – будто действительно шалаш, а на самом деле – закрытое помещенье. Наверное, и крыша такая же. Так что зря ты дождей боялся.

– Ну вот, я же говорил, – махнул рукой Петич. – Все понарошку.

– Как хочешь, а мне это больше нравится, чем под ветками спать. Что мы, обезьяны? Неизвестно еще, какие здесь насекомые по ночам летают. Или летучие мыши, которые еще вампирами называются.

Петич на это ничего не сказал. Только тихонько откашлялся. Видно было, что ночная встреча с мышами-вампирами его не очень устраивает.

Откинув полог, который заменял дверь, ребята вошли в хижину. Вот тут-то и вырвался у Ларика возглас восхищения!

Внутреннее убранство хижины больше напоминало музей, чем жилое помещение. Каких только предметов не было здесь! Чучела рыб и птиц, причудливые коралловые ветки, три ружья, два пистолета, длинный нож, карта острова, нарисованная чьей-то не очень умелой рукой, макет старинного корабля, который висел в воздухе и покачивался, будто подгоняемый ветром в надутые паруса... А самым главным, что бросалось в глаза, был толстенный столб посреди хижины. Он был сплошь покрыт зарубками.

– Эти черточки означают дни? – спросил Петич.

Ларик прикинул примерное количество зарубок.

– Скорее всего, месяцы.

Петич присвистнул от удивления:

– Ничего себе! А может, и годы, а, Ларион?

– Может, – улыбнулся Ларик. – Кстати, возьми нож. Можешь зарубочку оставить на память. Я думаю, это разрешено.

Петич схватил кинжал, взвесил его в руке, хищно оскалившись, как какой-нибудь пират. С одной стороны столба оставалась совершенно гладкая поверхность.

– Для нас оставили, – довольно заключил Петич и взмахнул ножом.

Послышался какой-то не очень приятный звук – совсем несерьезный. Такой звук получается, когда детишки играют игрушечными сабельками. Петич посмотрел на столб, на котором не осталось никакого следа, на кинжал... Тяжело вздохнул и зашвырнул нож в угол.

– Ты чего? – не понял Ларик.

– Да за детей нас держат, вот чего! Ну все здесь пластмассовое – и дубинки, и ножи, и жизнь сама какая-то пластмассовая!

И Петич сердито покосился на пистолеты и ружья. Он даже не хотел к ним подходить. А чего зря подходить, если ясно: игрушки! Не пятилетний он ребенок, чтобы радоваться всяким муляжам.

Ларик для начала достал из кармана свой маленький перочинный ножичек. Сделал аккуратную насечку на том самом месте столба, по которому так неудачно рубанул «тесаком» Петич. Потом подошел к ружьям, взял одно из них в руки.

– А ведь ты зря так расстраиваешься, – сказал он.

Петич вскинул голову:

– Что? Ты хочешь сказать, они настоящие?

– Ну, не совсем, конечно. Но почти настоящие. Во всяком случае, металлические. И сделаны в натуральную величину, и все в них настоящее. Вот только кремешок надо вставить, да заряд не очень сильный засыпать. Металл все-таки какой-то слабенький. Разорвать может.

Петич слушал как замороженный. Все, что касалось оружия, интересовало его. Тем более что Ларик говорил таким уверенным голосом, которому нельзя было не поверить. Наверняка он знал все это из какой-нибудь энциклопедии, которых у него дома было штук сто, не меньше.

У Петича даже волосы на голове зашевелились от волнения. Надо же! Не все, оказывается, здесь игрушечное.

– А порох? – спросил Петич.

Они бросились искать по всяким сумкам и мешочкам, висевшим на стене, потом заглянули в огромный сундук. Боеприпасов, однако, обнаружено не было. За исключением горсточка дроби, насыпанной на столе. Да и то она была такая же легкая, как и дубинка, и нож. Тоже из пластмассы.

– Не расстраивайся раньше времени, – успокоил друга Ларик. – Видишь, сколько спичечных коробков? Странно, конечно, что сюда подложили эти спички. Разве они были у Робинзона? Вряд ли. Наверное, какое-нибудь огниво больше подошло бы под интерьер. Но нам-то только лучше! Спички-то старинные, с большими головками!

– Ты что, костер из них собираешься делать? – недовольно проворчал Петич.

– Зачем костер?

Ларик взял спичку и содрал с нее серную головку – прямо в ружейный ствол.

– Вот так, – сказал он. – Спичек двадцати, я думаю, для легкого заряда вполне достаточно.

Он отсоединил от ружья длинный шомпол и утрамбовал им заряд в стволе. Потом забил туда же шомполом небольшой лоскуток, оторванный от носового платка.

– А пули? – спросил Петич.

Конечно же, он все понял. И мысленно похвалил Ларика. Надо же, сразу догадался, как можно использовать эти игрушки! Во всяком случае, испытать ружья – уже достаточно интересное занятие.

Петич не знал, что его друг специально штудировал книги про оружие. Ларик очень боялся, что за любовь ко всяким энциклопедиям Петич будет считать его «ботаником». И хотя у них в гимназии, например, читать книги вовсе не считалось неприличным, – он решил перестраховаться.

– Пока холостым надо выстрелить, без нагрузки на ствол, – сказал Ларик. – В таком случае, если и разорвет, то не сильно. Глаза, я думаю, не выбьет.

– Слышала бы тебя твоя мама, – как взрослый, проворчал Петич. – Здесь думать нечего, а надо быть уверенным на все сто. Твои глаза нам еще пригодятся. Как и все остальное. Давай лучше зарядим, наоборот, как можно посильнее. Привяжем ружьишко к столбу и за веревочку дернем. Если не разорвет – будем пользоваться оружием. Разорвет – так ему и надо.

– Разумно, – согласился Ларик.

Игрушечную дробь не стали и трогать. Ствол чуть ли не до половины забили мелкими камешками, которые навывирали из песка у самого порога хижины.

– Ты хоть такие крупные не бери, – удерживал Петича Ларик. – Прямо ядра закатываешь. Мы же не бомбу готовим.

– Так ведь испытание! – взволнованно дышал Петич, выискивая глазами камешки покруглее. – Вот бы выдержало, вот бы уцелело! Тогда бы я поохотился здесь... На всяких паучков.

Вместо кремневого запала пришлось приладить все те же спички. Несколько спичек головками друг к дружке – и готово, чиркай себе на здоровье. Только отбегай, если успеешь, подальше.

Но так сразу испытывать ружье почему-то не хотелось. Нравилось держать его по очереди в руках... Ребята долго примерялись, куда бы его нацелить. Так и не выбрали – просто направили ствол в соседнюю пальму.

Все-таки чиркать коробком по спичке взялся Петич. Ларик ему особенно и не перечил. Ясно, что Петич проворнее. А ведь надо было успеть еще и отскочить как можно дальше.

Ларик спрятался за углом хижины. Чирк! – Петич дернул рукой и на четвереньках метнулся в сторону.

И тут Ларик увидел, что бамбуковые заросли вдоль тропинки шелохнулись. И как раз там, куда был направлен ствол ружья! Направлен-то он был, конечно, в пальму... Но если вылетит из ружья такой заряд, то целым каменным градом накроет, наверное, пол-острова! А за пальмой мелькнуло лицо Ленчика...

– Ложи-ись!

Ларик заорал изо всех сил, и голос его лопнул на последнем звуке, превратившись в тоненький писк. Он даже закашлялся, в кашле почти ничего не рассмотрев хорошенько. Хотя из-за дыма рассматривать было особенно нечего. На одно совсем маленькое мгновение мелькнуло лицо Ленчика. Потом оно стремительно, еще до дымного облака и грохота, повернулось куда-то назад и исчезло...

В ушах гудело. Запах серной гари разносился тихим ветерком по всему острову вместе с клочковатыми лохмотьями дыма.

«Как в кино», – подумал Ларик, вспоминая выстрелы из старинных пушек.

Петич не видел Ленчика. Отряхивая песок, он хмыкнул:

– Ты чего, Ларион, орешь? Я и так по земле откатился. Что я, дурак, стоять под таким грохотом?

– Не дурак, совсем не дурак, – услышали они совершенно спокойный голос Ленчика. – Умнее просто трудно найти человека. Направить ружье на тропинку и не посмотреть – может, там кто идет... Что и говорить, для этого нужен необыкновенный ум!

Чувствовалось, что Ленчик постепенно теряет контроль над собой. Начал-то он совершенно спокойно и язвительно, но вот голос начинает повышаться, даже звенеть... Сейчас, похоже, Ленчик заорет как ужаленный каким-нибудь скорпионом. А тут еще из-за его спины высунулась Мила, хватая ртом воздух, как выброшенная на берег рыба. Она хотела что-то сказать и не могла. За нее это с большим успехом проделал Ленчик:

– Я вам покажу стрельбу! На катер! Быстро! Сегодня же в Москву!

Ребят словно ветром сдуло. Только что стояли на месте, испуганно моргая глазами, и – пропали. Потому что от такого непривычного Ленчикова крика они метнулись, не разбирая никакой тропинки, в бамбуковые заросли и понеслись, как какие-нибудь тропические животные, прочь.

Глава IV

ВОДОПЛАВАЮЩИЙ КАРЛСОН

– Ты не заметил, цело ружье? – спросил, с трудом переводя дыхание, Петич.

– Не-а, – помотал головой Ларик. – Если честно, я и ружья-то не увидел. Наверное, сорвало его выстрелом. Отдача, – пояснил он.

– Ты чего побежал? – спросил Петич, ухмыльнувшись.

– Думаешь, я испугался? – понял намек Ларик. – Ты побежал первый, а я за тобой.

– Вообще-то... Правильно мы сделали, что смылись, – махнул рукой Петич. – Знаю я этого Ленчика. Через десять минут будет спокойным, как кирпич. Еще звать нас будет. Давай пока не отзывать. Пусть думает, что мы испугались до смерти.

Ларик улыбнулся. Он завидовал самообладанию Петича. Только что по их вине чуть не произошло что-то страшное и непоправимое – Ларик даже боялся это назвать какими-то словами, – а Петич уже размышляет о том, как бы Ленчик не очень сильно их отругал! Да разве он не услышал о возвращении в Москву?

– Ты думаешь, он просто так крикнул о Москве? – неуверенно спросил Ларик.

– Конечно! – хмыкнул Петич. – Какая там Москва. Перепугался Ленчик, вот и заорал, что в голову пришло.

– Ничего себе, перепугался! – возмутился словам друга Ларик. – Да он ни капельки не перепугался! Я же видел, как он Милу успел оттолкнуть с тропинки да еще закрыл ее при этом. Знаешь, так испуганные не поступают.

– Ну ладно, ладно, – виновато пробормотал Петич. – Вот уже по твоему голосу слышно, что ты считаешь меня виноватым. Представляю, что будет, если я сейчас на глаза Ленчику покажусь...

– Да мы оба виноваты, что и говорить, – успокоил друга Ларик. – Но кто же знал, что они так бесшумно подплывут? Пошли обратно, объясним все.

Петич молча помотал головой:

– Рано. Пусть успокоится.

Прошло пять минут, десять. От хижины донесся едва различимый голос Милы:

– Ребята! Ау! Идите сюда!

– Ну, потихоньку трогаем, – буркнул Петич. – Готовь слова, Ларион. Объяснять ты лучше умеешь.

И Ларик приготовился. Конечно, он скажет известную фразу о том, что даже незаряженное ружье стреляет раз в год. Или вспомнит слова Чехова, которые знал от папы, – о том, что если на сцене висит ружье, то оно обязательно должно выстрелить. А еще похвалит туристическую фирму, которая устроила им такой прием, что совсем невозможно отличить выдумку от реальности. Вот они с Петичем и представили себя робинзонами. Конечно же, стали испытывать оружие. А как же выжить без оружия на этом острове? Как добывать пищу, защищаться от врагов, диких зверей?

Так что виноваты в этом выстреле совсем не Ларик с Петичем, а обстоятельства. В конце концов, не они же сами притащили из Москвы это ружье!

Подготовив свою оправдательную речь, Ларик стал абсолютно спокойным. И первым вышел из зарослей, кивком головы позвав за собой и Петича. Тот покорно последовал за ним.

Оказалось, что отбежали они на довольно приличное расстояние. Потому и голос Милы звучал так слабо.

– Только ты сразу начинай говорить, не подходя близко, – посоветовал Петич. – Пока Ленчик будет вслушиваться – забудет все свои воспитательные угрозы.

Ларик отмахнулся от таких советов. Он совсем не боялся Ленчика. Во всем случившемся Ларика поразили тот счастливый финал, благодаря которому жизнь иногда кажется чудом.

Вот, например, однажды рядом с Лариком упал кирпич. Рабочие на десятом этаже выкладывали на балконе стену и уронили его сверху. Он с таким страшным чавкающим звуком приземлился на газон, что Ларик передернулся от ужаса, представив, что было бы, если б... Тогда он смотрел на эти полметра, отделяющие его от места падения кирпича, и удивлялся тому, что абсолютно ни о чем не думает. Это потом он рассуждал о везении, о невезении, о случайности, о неслучайности – как какой-нибудь мудрец. А когда смотрел на кирпич, то просто радовался, что так произошло. Наверное, то же самое испытывает кошка, которая успела шмыгнуть на дерево перед самым собачьим носом. Радует, и все. Без всяких мудрых мыслей.

К тому же сейчас боль в правой коленке отвлекала Ларика от умных размышлений. Когда что-то болит, не очень-то порассуждаешь. Думаешь только об одном: вот прекратится боль, тогда и жизнь станет наконец простой и приятной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.